

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	9
Глава 1. Слоновья Башка.....	11
Глава 2. В 93 миллионах миль отсюда.....	17
Глава 3. Ворон.....	31
Глава 4. День дурака.....	38
Глава 5. Терраццо. Терраццо. Терраццо.....	51
Глава 6. Непробиваемая отрешенность.....	67
Глава 7. Явись — или пеняй на себя.....	77
Глава 8. Просто проездом.....	93
Глава 9. Бродяга.....	107
Глава 10. Хитрый валлийский лис.....	132
Глава 11. Ты — звезда спектакля.....	143
Глава 12. Дни вина и роз.....	164
Глава 13. Будь благоразумен, подумай.....	178
Глава 14. Это тебя прикончит.....	186
Глава 15. Нью-Йорк.....	198

Глава 16. Паб Ship Inn	217
Глава 17. Смерть придет тогда, когда придет	230
Глава 18. Он человек, и от этого еще страшнее	240
Глава 19. Бобы и кьянти.....	248
Глава 20. Жизнь, жизнь, жизнь!.....	261
Глава 21. Голоса в голове	267
Глава 22. Голливудская улыбка	291
Глава 23. Из ничего не выйдет ничего	305
Глава 24. Храни свой талант в тени	314
Глава 25. Чем старше я, тем меньше знаю	329
Приложение 1. Фотоальбом.....	341
Приложение 2. Сборник любимых стихов.....	379
Благодарности.....	413
Об авторе.....	423

*...Не осмеивать человеческих поступков,
не огорчаться ими и не клясть их, а понимать¹.*

Барух Спиноза. Политический трактат

---

¹ Спиноза Б. Политический трактат // Этика. О Боге, человеке и его счастье. — СПб.: Азбука-Аттикус, 2023.

ВВЕДЕНИЕ

Серым воскресным утром 1941 года в песчаных дюнах на пляже Аберавон отцовский приятель Клифф Мэзерс протянул мне леденец. Тогда, в военные годы, сладостей мы почти не видели. То было время карточной системы. Замешкавшись, я уронил леденец в песок и разревелся. Отец с Клиффом только рассмеялись. Мне дали вторую конфету. Отец наклонился, чтобы меня успокоить. Слезы высохли. Клифф сделал фото. Одно из самых ранних моих воспоминаний. Мне было три года.

Сейчас, в свои 87, я иногда поглядываю на этот снимок, и мне так и хочется сказать тому растерянному мальчугану: «Мы справились, парень».

Как и большинство детей, я испытывал тревогу и замешательство. Но таково уж детство — ты слишком юн, чтобы постичь хоть какой-то смысл бытия. Это странное ощущение — что я запутался и не справляюсь — сопровождало меня всю жизнь. Я удивлен — или лучше сказать *озадачен*? *Ошарашен*? Да, *ошарашен* — тем, что я все еще тут. Этому нет объяснений.

Неизгладимая метка, впечатанная в мое нутро, — чувство вечной неприкаянности.

Но я оказался крепким орешком. Именно таким был мой отец — не признавал ни глупостей, ни нежностей. Его главное наставление: «Просто делай свое дело. Держи хвост пистолетом и не ной». Неплохой совет. И второй: «Жизнь — штука суровая. Ну и что? Не сдавайся». Жестковато, конечно, но это помогло мне выстоять. Таков был он, мой старик. Ричард Артур Хопкинс.

Его больше нет, он умер. Существует ли он в каком-то другом измерении — в загробном мире или где-то еще, что мы себе придумываем в утешение, — я не знаю. Но он засел глубоко во мне, как острые осколки битого фарфора.

Жизнь моя — одиночество. Так было всегда. Ну и ладно, невелика беда. Даже неплохое вышло путешествие, если разобратся, — потому что я не жертва. Я нашел применение этим черепкам — одиночеству, отчужденности, тревоге, как их ни назови. И теперь я им благодарен. Эти занозы и внутренние шпоры не давали мне остановиться — и в конце концов привели туда, где я сейчас.

СЛОНОВЬЯ БАШКА

В другое промозглое серое воскресенье — на сей раз в сентябре 1949 года — я, 11-летний, стал самостоятельным человеком. В тот день мать с отцом отвезли меня в школу-интернат — здание XIX века из красного кирпича на холме над городком Понтипул в Монмутшире.

Школа Вест-Монмут или кратко Вест-Мон, — готическое сооружение с высоченными шпилями и барельефом над входом, на котором два барана держат свиток с надписью «СЛУЖИ И ПОВИНУЙСЯ». Здание имело зловещий вид и смахивало на дом с привидениями, а пронизывающий до костей монмутширский дождь, раскаты грома и порывы ветра довершали картину. Я возненавидел это место с первого взгляда.

Меня оставили там, потому что мать мечтала дать мне приличное образование. Отец отнесся к затее прохладно — чтобы обеспечить мне возможность учиться, требовалась уйма денег, заработанных тяжелым трудом.

Я был на стороне отца, потому что школа интересовала меня мало. К чему выбрасывать деньги? Я никогда не хватал звезд с неба, и надежды на улучшение ситуации практически не было. Учителя с мертвенно-бледными лицами из начальной школы в Порт-Толботе, где я учился прежде, давно поставили на мне крест, а один особо мерзкий наградил кличкой Дэннис-тупица.

Для соседских мальчишек я был Слоновьей Башкой. Голова у меня была здоровенная и смотрелась на тщедушном теле довольно нелепо. Родители думали, что у меня водянка головного мозга, но детский врач доктор Брэй заверил их, что я совершенно нормален.

— Его просто надо откормить, — сказал наш славный доктор.

То, что родители сдали меня в школу Вест-Мон, не было катастрофой. Просто один из досадных ухабов на жизненном шоссе, не более того, — но почему-то именно тогда во мне проросло зерно безразличия. Я дал себе слово, что отныне буду рассчитывать только на себя и больше никогда не подпущу к себе ни мать, ни отца — да и вообще никого. Мне стало все равно. Я решил жить на своих условиях, смотреть вперед. Забыть прошлое. Детство кончилось. Вас понял. Конец связи. Бог вошел в машину¹.

---

¹ Отсылка к философскому термину «бог в машине» (или «призрак в машине»), введенному британским философом Гилбертом Райлом в 1949 году. Хопкинс использует эту метафору для описания своей психологической диссоциации: его тело стало бесчувственным «механизмом» для выживания.

После короткого знакомства с директором мистером Харрисоном и его пышнотелой жизнерадостной супругой, после беглого осмотра спальни — 16 коек, втиснутых в квадратную комнату с больнично-зелеными стенами, — мы с родителями вернулись к парковке у главного входа. Мать с отцом сели в машину и уехали. На выезде солнце блеснуло на лобовом стекле. Сквозь блик я разглядел, как мать помахала мне рукой. Отец смотрел на дорогу, и я не стал махать в ответ.

Их машина — начищенный до блеска Ford Model C Ten — скрылась за поворотом подъездной аллеи, а я запомнил номер: ВТХ 698. Весь остаток того сырого осеннего дня я бормотал его себе под нос снова и снова: «ВТХ 698. ВТХ 698. ВТХ 698».

Школьный девиз гласил: «Верь, добивайся, преуспевай, служи и повинуйся». Школьный гимн был еще тоскливее: «Мы маршируем с радостной песней, с песней победы». Эту чушь полагалось горланить каждое утро на общей линейке перед утрюмым преподавательским составом.

Один из воспитателей в той кирпичной тюрьме был бессердечным солдафоном; он участвовал в Североафриканской кампании против немецкого генерала Роммеля. Я прозвал его Лоб — лицо у него было красным как вареный лобстер. Он заявил мне, что все мои достоинства и перспективы — «сплошные лохмотья и тряпье». Мне понравилось, как это звучит — смешно и театрально.

— Тише, тише, тише, — бормотал я. — Я тот, кто я есть, кто я есть. Я — король старьевщиков, повелитель лохмотьев и тряпья.

А еще я отлично корчил из себя клоуна. Изображал то пугало из «Волшебника из страны Оз», то Белу Лугоши

ния, а живая душа превратилась в призрака, спрятавшегося глубоко внутри. — *Здесь и далее прим. пер.*

в роли Дракулы, то Бориса Карлоффа² в роли чудовища Франкенштейна. У меня пугающе здорово получалось копировать голоса и звуки, которые я слышал. Я мог заржать как лошадь или залаять. Еще я изображал Багза Банни: «В чем дело, Док?» Элмера Фадда. Даффи Дака. Порки Пига. «В-вот и все, ребята!»

Когда я в очередной раз выдал свой скомороший номер и кое-кто из мальчишек рассмеялся, Лоб вывел на доске:

«Чем человек достойнее овец или коз, коль разум его слеп?» — Альфред Теннисон.

Нам велели переписать это 20 раз. Я отнесся к происходящему с мрачным юмором. Выводя слова в тетради, я блял — то козой, то овцой. Лоб ринулся ко мне по проходу. Оплеуха. Снова бляение. Снова оплеуха.

Чем больше оплеух я получал, тем активней пускал в ход свой главный трюк выживания — взгляд, полный безмолвной, непробиваемой отрешенности. Этот взгляд выражал мое полное равнодушие к окружающей враждебности. Никакой реакции. Смотреть в упор. Делать вид, что их не существует. Мне нравилась эта новообретенная сила. Не показывать боли! Зарыть боль поглубже, замести ее под ковер и идти дальше. Взрослых это бесило — а мне только того и надо было.

И хотя жить в этом жутком месте было донельзя тоскливо, именно там я впервые столкнулся с Уильямом Шекспиром.

Дело было в субботу вечером. Нас, мальчишек, согнали в актовый зал — слава богу, обошлось без школьного гимна — смотреть кино. Настоящий звуковой фильм. Школа арендовала кинопроектор и наняла киномеханика мистера Гордона Филлипса. Это было нечто новое и захватывающее.

---

² «Дракула» (1931) и «Франкенштейн» (1931) — классические американские фильмы ужасов студии Universal.

Мы сидели на деревянных стульях и ждали. Наконец в зал вплыл мистер Харрисон, директор, — его мантия развевалась, подчеркивая значимость этого эпохального события. За ним, подобно линкору, следовала его громогласная необъятная жена, старуха Ма Харрисон. Следом потянулись учителя. Макс Хортон, Лоб Гарнетт и прочие. Мистер Харрисон велел сидеть тихо: не болтать, не ерзать, не смеяться. Любого нарушителя ждало выдворение из зала, а затем, как рисовало наше воображение, немедленная казнь в спортзале.

— Итак, «Гамлет» — это очень важный фильм, — провозгласил мистер Харрисон. — Мистер Лоренс Оливье, величайший шекспировский актер в мире, выступил режиссером этой картины и, более того, со всей страстью взялся донести до широкой публики могучие слова и мудрость уорикширского барда, мистера Уильяма Шекспира.

О господи, спаси и помилуй! Только не Шекспир. Избавьте нас от этой занудной тяготины.

Мистер Харрисон разливался соловьем еще минут пять, вещая про Шекспира и мистера Оливье. Наконец он воздал почести нашему киномеханику мистеру Гордону Филлипсу из Гриффитстауна.

«Какой унылый час нам предстоит!» — подумал я. Мы дружно повернулись к мистеру Филлипсу из Гриффитстауна. Мистер Харрисон велел нам сказать: «Спасибо, мистер Филлипс из Гриффитстауна». У меня было чувство, что я попал в ад.

Мистер Филлипс из Гриффитстауна, застывший наизготовку между двумя кинопроекторами, оказался кругленьким молодым человеком с лоснящимся лицом. Волосы его были приглажены бриолином, а по случаю события он нацепил голубую бабочку. Это точно был ад.

На сцене установили большой киноэкран.

В зале приглушили свет. На экране замелькала знакомая заставка кинокомпании Артура Рэнка: удар в гигантский гонг, надпись «J. Arthur Rank Enterprise», темный экран. А потом — вдруг — мощные вступительные аккорды музыки Уильяма Уолтона.

Это было... потрясающе. Сцена на крепостной стене. Призрак отца Гамлета. Замок Эльсинор изнутри. Оливье. Его первый монолог:

*О, если б этот плотный сгусток мяса
Растаял, сгинул, изошел росой!³*

Я просидел как замороженный до самой последней строчки монолога:

Но смолкни, сердце, скован мой язык!

Ничто прежде не производило на меня такого впечатления. Это был взрыв. Я еще не мог понять структуру «Гамлета», уловить его тонкости — архаичные слова, незнакомый, непривычный язык, ритм и строй фразы.

Но мне казалось, что Оливье в роли Гамлета обращается ко мне — к какой-то давно исчезнувшей, древней моей части. Это было потустороннее переживание. Скорбь Гамлета по отцу, предательство матери, изменившей памяти мужа. Я плакал, раздавленный этой эпической картиной покалеченных отцов и матерей — и того, как всех нас преследуют призраки памяти. Я был слишком молод, чтобы уловить временный смысл этих слов. Но некая могучая сила прорвалась в самый центр того существа, которым я тогда был.

---

³ Здесь и далее текст «Гамлета» в пер. М. Лозинского.

В 93 МИЛЛИОНАХ МИЛЬ ОТСЮДА

Мои успехи в той первой школе-интернате равнялись нулю, так что бедным родителям пришлось пересмотреть перспективы моего образования. В полном отчаянии они искали того, кто помог бы мне совершить прыжок с шестом на сияющие вершины учености, того, кто мог бы, как они шептались, «замолвить словечко, так сказать».

Я словно очутился в какой-то запутанной шекспировской комедии — сплошные перемигивания и реплики в сторону. Полагаю, мне следовало бы чувствовать себя польщенным, находясь в центре таких интриг, но я ощущал себя болваном, выставленным на продажу. Я не хотел иметь к этому никакого отношения.

В конце концов нас вывели на загадочную фигуру — человека со связями. Моим спасителем должен был стать дядя Эдди, который, как мне объяснили, жил в районе Рест-Бей в Портколе и был «без всякого гонора» — то есть человек прямой, без двойного дна.

Так вышло, что этот великий человек, которого все звали дядя Эдди, приходился родней моему отцу. «Они купаются в деньгах», — говорил отец. Вся эта родня — престарелые тетуски и дядюшки, жившие на улице Сент-Мэри, — пред-

ставляла собой *крахах* из Рест-Бей. Этим словечком — *крахах* — презрительно называли валлийскую элиту, державшую в своих руках систему образования в Уэльсе.

Ни один из двух моих дедов подобной заносчивостью не отличался. Дедушка Хопкинс — или Дедушка Х., как я его называл, — был крепкий старикан. И обожал это демонстрировать.

Каждое утро он принимал холодную ванну, а затем вкалывал весь день.

— Я как камень, — говорил он, вытягивал правую руку, сжимал кулак, потом растопыривал пальцы. — Видишь — совсем не дрожат. Вот это настоящая сила. В этом мире надо быть крепким. Выживает сильнейший.

Он родился в 1878 году в Ните, в Южном Уэльсе, и, согласно легенде — скорее всего, придуманной им самим, — зайцем добрался до Лондона в товарном вагоне, сбежав от пьянчуги-отца. Сняв угол в Бермондси, на юго-востоке Лондона, почти без гроша в кармане, он устроился мыть и скоблить полы в немецкой пекарне неподалеку от Пикадилли.

Дедушка Х. быстро понял, что пекарня — место безрадостное, а труд там каторжный, но со временем стал настоящим мастером своего дела, пекарем и кондитером высшего класса. Позже он завоевывал призы на пекарских выставках в лондонском Эрлз-Корте. У меня до сих пор хранятся его серебряные кубки, многие — с гравировкой. На одном из них значится: «Артур Ричард Хопкинс. 1924. Первый приз за булочки с изюмом».

Детали его биографии, возможно, и были слегка приукрашены, но в них чувствовалась подлинность, и я восхищался стариком. Правда, он не слишком-то меня жаловал — разве что ему нравилось, когда я играл для него на пианино. «У Эн-

тони довольно большая голова, — сказал он как-то моей матери. — Жаль только, что внутри пусто».

Вот таким был дедушка Хопкинс. Однажды он рассказал мне про парня по имени Джеральд, с которым работал в той самой лондонской пекарне. Джеральд женился на молодой женщине, и они пытались прокормить маленькую дочку, но еды не хватало. Джеральд был тяжело болен. Дед считал, что у него чахотка — туберкулез: сухой надрывный кашель был одним из симптомов. Однажды утром Джеральд не вышел на работу, и старший мастер объявил, что ночью молодой человек скончался от пневмонии. Остальные пекари промолчали. Работа продолжилась как обычно.

Дед Хопкинс стал рабочим агитатором. Отцу он рассказывал, что однажды встречался с Владимиром Лениным. Это вполне могла быть и байка — часть его собственной легенды. Но могло оказаться и правдой, ведь Ленин действительно жил в Лондоне в эмиграции. Там же жил и Лев Троцкий, так что в ту пору политическая жизнь в тех местах была полна марксистских идей.

В конце концов дедушка Хопкинс и моя бабушка Эмми вернулись в Уэльс с тремя маленькими детьми — Мириам, Ричардом и Лорной, но жилось им там трудно.

Уэльс нередко называют Страной песни. Дилан Томас в своей пьесе «Под сенью молочного леса» создал его мифологический образ. Но правда в том, что в Уэльсе, который знала моя семья, не было ничего живописного, романтического или пасторального.

В 1921 году, когда отцу исполнилось 14, его без предупреждения забрали из школы, чтобы он вкалывал в семейной пекарне, и он проработал там до 1936 года.

Другую ветвь нашего семейного древа представлял мой дед по матери. Звали его Фредерик Томас Йейтс. Родом он

был из Пьюси, графство Уилтшир. Когда я расстраивался, он неизменно повторял: «Что было, то прошло. Слезами горю не поможешь. Не бери в голову».

Дед работал на железной дороге и сортировочных станциях в Суиндоне, а затем перебрался в Южный Уэльс, где строился новый сталелитейный завод. Там он встретил Софию Филлипс, ученицу портнихи из ателье в Кармартене. Они поженились и осели в Порт-Толботе. Вскоре на свет появились две девочки. Первой, в 1913 году, родилась моя мать Мюриэл.

Вторую, Дженни, дедову любимицу, унесла дифтерия, когда ей было девять. Моей матери тогда исполнилось двенадцать. Однажды за завтраком они услышали глухой удар на лестничной площадке наверху. Дед выскочил в коридор и увидел Дженни, осевшую у перил. Он взлетел по ступенькам и подхватил ее на руки. Девочка была мертва.

Мать рассказывала мне, что в день похорон Дженни, когда гроб выносили к катафалку, она слышала, как ее отец беспомощно, безутешно рыдал в узком проходе на заднем дворе.

Но на следующий день он как ни в чем не бывало вышел на работу, сел за рычаги своего крана на сталелитейном заводе. Когда его спросили, не хочет ли он взять пару отгулов, он отказался.

— Я ведь ее не верну, так? — сказал он. — К чему все это заново ворошить? Ее не вернуть. Умерла — значит умерла. Прошрое мертво — там ничего нет.

И он больше никогда не говорил о своей любимой дочери.

Но вернемся к дяде Эдди — Эдди Джеймсу, перед которым преклонялась вся родня и о котором говорили благоговейным шепотом: «Он часто ездит в Лондон. Ну, знаете, дела и все такое. Завтракает в поезде с самим Наем Бивеном, нашим министром здравоохранения».

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru